

УДК 94(47).043/073

Д.А. АНАНЬЕВ

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ
(XVII – НАЧАЛА XX в.) В ОСВЕЩЕНИИ
АНГЛО- И ГЕРМАНОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: denis.ananyev@gmail.com

В статье предпринята попытка обзора основных работ по истории социально-экономического развития Сибири в XVII – начале XX в., опубликованных в англо- и германоязычной историографии. Автор приходит к выводу, что наибольшее внимание западные исследователи уделяли истории пушного промысла и торговли, аграрной колонизации, развитию транспортных коммуникаций. Несмотря на известную ограниченность круга доступных источников, западным историкам удалось предложить собственные подходы к изучению социально-экономических проблем сибирской истории, в основу которых положены концепции «фронттира», «колонизации» и «модернизации».

Ключевые слова: западная историография, Сибирь, социально-экономическое развитие, фронтир, колонизация, модернизация.

В западной историографии неизменно отмечается огромный экономический потенциал Сибири, значение ее ресурсов для развития Российского государства в различные периоды его истории. При этом одним из наименее изученных остается начальный (и наиболее продолжительный) период хозяйственного освоения Сибири, верхней границей которого западные историки определяют начало XX в., когда была введена в строй Транссибирская магистраль и резко увеличился приток переселенцев. В настоящей статье предпринята попытка дать обзор основных работ по истории социально-экономического развития Сибири в XVII – начале XX в., опубликованных в западной историографии. Преимущественное внимание уделяется историкам США, Канады, Великобритании и ФРГ, что обусловлено их ведущей ролью в западном сибиреведении.

Большинство работ, написанных западными исследователями, посвящено проблемам, связанным с развитием пушного промысла и торговли; историей аграрной колонизации и крестьянских переселений, ставших особенно массовыми на рубеже XIX–XX вв.; а также с историей развития транспортных коммуникаций в Сибири.

Первым западным исследователем, посвятившим специальную работу сибирской торговле мехами в XVI–XIX вв., стал немецкий историк Й. Кляйн. В основу его монографии «Сибирская пушная торговля и ее значение для завоевания Сибири», опубликованной в 1906 г. в Бонне, были положены материалы докторской диссертации, которую ученый защитил в Рейнском университете им. Фридриха-Вильгельма [1]. В качестве источников Й. Кляйн использовал в основном

труды И.Э. Фишера, Г.В. Стеллера, А.Ф. Миддендорфа, К. фон Бэра, К. Дитмара, Н.М. Ядринцева.

Й. Кляйн выделил три взаимообусловленных и взаимосвязанных этапа хозяйственного освоения Сибири. Содержание первого этапа определялось погоней русских за пушминой; второй ознаменовался земледельческим освоением региона; третий – добычей металлов [1, с. 116]. Соответственно, по его мнению, без первоначального повышенного интереса русских к сибирской пушнине вряд ли было возможно их стремительное продвижение на восток и удержание присоединенных азиатских территорий.

Представление о добыче пушнины как основной причине проникновения русских в Сибирь разделяли также представители Калифорнийской школы – Р. Кернер, Дж. Ланцев, Р. Фишер. В 1943 г. Р. Фишер опубликовал первую в англоязычной литературе научную монографию, посвященную истории хозяйственного освоения Сибири [2]. Историк полагал, что Россия была исключением в ряду других колониальных держав XVI–XVII вв., поскольку государство никогда не отдавало колонию целиком в руки частных торговцев и промышленников, а само выступало в роли предпринимателя, установившего для себя монопольные права и привилегии [2, р. 48–71]. Р. Фишер не считал пушную торговлю единственным фактором сибирской колонизации, но активное участие государства в этом процессе объяснял, прежде всего, доходностью экспорта пушнины, дававшего казне в начале XVII в. около 11 % дохода [2, р. 108–123]. Сопоставляя доходы от пушнины с расходами правительства в Сибири, Р. Фишер пришел к выводу, что «Сибирь не только вполне покрывала производимые

в ней расходы, но и давала значительную прибыль в московский бюджет»¹.

В своих первых работах, посвященных проблемам продовольственного снабжения русских колоний на Дальнем Востоке и в Северной Америке, канадский историк Дж. Гибсон также рассматривал пушную торговлю в качестве главного стимула «русской восточной экспансии», что к тому же объединяло ее с английской и французской экспансией в Канаде [4; 5]. Однако, признавая большое значение пушной торговли, западные историки все же представляли процесс хозяйственного освоения Сибири как многофакторный, требующий всестороннего изучения. В числе сторонников данной позиции следует назвать Д. Тредголда [6, р. 151], Дж.-Л. Блэка [7, р. 58], Б. Дмитришина [8, р. 4–8], А. Вуда [9, р. 1–15].

Другой важной темой, затронутой в западной историографии социально-экономического развития Сибири в XVII – начале XX в., стала аграрная колонизация Сибири (А. Байкалов [10, 11], К. Мэннинг [12], Э. Леснер [13], А. Лобанов-Ростовский [14] и др.)². На Западе наиболее известным исследованием по данной теме остается монография Д. Тредголда «Великое переселение в Сибирь», опубликованная в 1957 г. [15]. Главным итогом крестьянских переселений во второй половине XIX – начале XX в. американский историк назвал «достижение социального равенства» в масштабах, ранее неизвестных русскому и сибирскому крестьянину. В этом отношении легко увидеть сходство данного процесса с переселением американцев на Запад.

По признанию самого Д. Тредголда, в своем исследовании он стремился, в первую очередь, провести сравнение между освоением американского и сибирского «фронтиров». Для Д. Тредголда несомненно, что переселения крестьян в восточные регионы России во многом напоминали покорение американского Запада. Сибирь заселяли бывшие крепостные, бежавшие от угнетения и нищеты, и даже после 1861 г. освобожденные крестьяне часто уходили от правовых ограничений и бедности. В то же время Сибирь не знала некоторых явлений, характерных для американского фронта, в частности, взаимоотношения пришлого и коренного населения в Сибири были куда менее проблематичными, чем в Северной Америке.

И все же, по мнению Д. Тредголда, при всех различиях в Сибири сложился социум, более похожий на тот, что формировался в США, нежели в Европейской России. В Сибири люди проявляли куда большую самостоятельность, а их социальные связи отличались куда большей гибкостью, чем в остальных регионах России. Как писал историк, на примере сибирского крестьянства российские власти, а также крестьяне из других регио-

нов империи могли увидеть, какого уровня благополучия они в принципе могли бы достигнуть.

В целом Д. Тредголд объединил в своих построениях элементы теории «фронтира», концепций «колонизации» и «модернизации». В его работе ощущается несомненное влияние идей его учителя – М.М. Карповича, отмечавшего успехи экономического развития России на рубеже XIX–XX вв. Согласно М.М. Карповичу (1889–1959), революция в России изначально не была predetermined, поскольку мирная эволюция в экономической, политической и культурной областях накануне войны свидетельствовала об успехах модернизации, и только «война сделала революцию весьма вероятной, а человеческая глупость сделала ее неизбежной» [16].

Представители советской историографии подвергли критике выводы Д. Тредголда, упрекая его в стремлении «американизировать» Сибирь, доказать «преимущества буржуазных методов хозяйственного освоения», «ненужность» и «невозможность» революционного пути решения аграрного вопроса; отмечали идеализацию Д. Тредголдом переселенческой политики царизма, отрицание им процесса социального расслоения и разложения сибирской деревни и преувеличение роли географического фактора [17, 18, с. 164–178]. В то же время работа Д. Тредголда получила самую высокую оценку в западной историографии – например, в трудах В. Конноли [19], П. Дибба [20, р. 170], Т. Армстронга [21], Дж. Гибсона [22, р. 442–453], Б. Андерсона [23].

Британский историк, сотрудник Школы славянских и восточноевропейских исследований Дж. Чэннон в своей статье «Региональные вариации общины (на примере Сибири)» [24] пришел к выводу, что специфика сибирской окраины сочеталась с традициями хозяйствования и землепользования, принесенными из Европейской России. Инвариантным фактором колониционных процессов по обе стороны Уральских гор в схеме Дж. Чэннона предстает государство, продолжающее играть свою всеобъемлющую роль. И все же представления историка о том, что Сибирь давала переселенцам больше возможностей и больше свободы, вполне соответствуют учению Ф.Дж. Тернера о «фронтире».

Американский историк Э. Доннели полагал, что до середины XIX в. главной направляющей силой в колонизации степей Южной Сибири и северных регионов Центральной Азии оставалось государство, видевшее своей главной задачей не столько аграрную колонизацию региона, сколько охрану торговых маршрутов и защиту своих подданных. Колонизация «подвижной степной границы» стала возможной только после того, как удалось обеспечить военную безопасность территорий. После этого тысячи крестьян хлынули на окраины империи в поисках «земли и воли» [25, р. 189–207].

Как отметил другой американский историк, Сеймур Бекер (Университет штата Нью-Джерси), изначально правительство не поддерживало крестьянские переселения из опасений, что это может оказать де-

¹ По мнению В.К. Яцунского, из приводимых Р. Фишером сведений более обоснованными представляются показатели для 1680 г. – 6,8 % и 1701 г. – 2,5 %, рассчитанные на основе данных П.Н. Миллюкова о бюджетах 1680 и 1701 гг. (см.: [3, с. 192]).

² *Передерий С.В.* Современная американская и английская буржуазная историография истории Сибири конца XIX в. – февраль 1917 г. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1984.

стабилизирующее влияние на крестьянство Европейской России [26, р. 235–256]. По заключению историка, принципиальное изменение позиции правительства произошло между 1889 и 1896 гг., когда в переселениях стали видеть средство решения проблемы избыточного населения в метрополии. Учреждение в 1896 г. Переселенческого управления свидетельствовало о решимости правительства содействовать колонизации Сибири, решая двоякую задачу – уменьшая проблему перенаселенности и крестьянского недовольства в Европейской России и одновременно усиливая российское присутствие в отдаленных пределах империи вдоль границ с Китаем.

Взаимоотношения пришлого и коренного населения в регионе С. Бекер, подобно Д. Тредголду и Э. Доннели, описывал в духе теории «фронта», однако основной упор делал на негативных последствиях русской колонизации для коренных жителей степных районов. С точки зрения С. Бекера, данный процесс по своим последствиям во многом напоминал взаимоотношения между белыми торговцами, поселенцами и индейцами, жившими на равнинах Дикого Запада. В то же время политика российского правительства была направлена на поощрение перехода кочевников к оседлому образу жизни путем освобождения их от уплаты налогов на пять лет и уменьшения налоговых ставок еще на пять лет для тех, кто начинал заниматься земледелием.

Об определяющей роли государства и его представителей в освоении Азиатской России писал С. Маркс, называвший «тщетными» попытки применить к Сибири теорию «фронта» и предпочитавший использовать более традиционную концепцию «колонизации», предложенную русскими историками еще в XIX в. С. Маркс вписывает колонизацию Сибири и массовые крестьянские переселения за Урал, имевшие место в конце XIX – начале XX в., в общий процесс европейской колонизации. По его признанию, западные историки часто не уделяют должного внимания роли России в этом процессе, хотя среди всех примеров колонизации в новейшей истории немногие страны могут сравниться с успешностью освоения Сибири, куда в течение 1891–1914 гг. прибыло примерно 5 млн крестьян.

Специальную статью С. Маркс посвятил деятельности одного из ближайших сотрудников С.Ю. Витте – статс-секретаря А.Н. Куломзина (1838–1902), управляющего делами Комитета министров (1883–1902) и одновременно с 1893 г. управляющего делами Комитета Сибирской железной дороги [27, р. 23–39]. По мнению С. Маркса, именно А.Н. Куломзин заложил фундамент развития Сибири в течение всего XX в. [27, р. 35]. Его работа в КСЖД сделала возможными массовые перемещения людей, а в дальнейшем – и промышленных предприятий к востоку от Урала. Впрочем, политика А.Н. Куломзина также способствовала дальнейшему захвату земель, принадлежавших коренному населению региона.

В русле концепции «колонизации» написаны и статьи, включенные в сборник «Заселение российских окраин: колонизация приграничных территорий в ис-

тории Евразии» (под ред. Н.Б. Брейфогле, А. Шрэдер, У. Сандерленда) [28]. Вслед за С. Марксом, его составители отмечали, что хотя западные исследователи истории европейской колонизации обычно забывают упомянуть роль русского народа, последний следует отнести к числу величайших «колонизаторов» в истории Старого света. Перемещение десятков миллионов поселенцев, представителей славянских народов, служило главной составляющей процесса «империостроительства» в России, а также стержнем повседневной жизни многочисленных социальных и этнических групп.

В конце XX в. русская колонизация обернулась «деколонизацией», с неоднозначными и непростыми последствиями. Но причины депопуляции на обширных пространствах бывшей империи авторы сборника призывают искать в самой истории России: «В действительности, современный постколониальный пейзаж является прямым следствием долгой истории славянских миграций на окраинные земли, что в чистом виде дало смешение и изменение населения и территорий Евразии в подлинно континентальных (а в действительности трансконтинентальных) масштабах».

Уделяя столь пристальное внимание вопросам пушной торговли и крестьянской колонизации, западные исследователи в значительно меньшей степени освещают историю развития транспортной системы Сибири. В немецкой историографии одним из немногих трудов, посвященных сибирским системам коммуникаций в первые века русской колонизации, стало историко-географическое исследование Е.Ф. Жуае «Транзитный путь из Москвы в Даурию: проблемы транспорта и передвижения в Сибири в XVII в.», основное содержание которого сводится к детальному описанию каждого участка пути из Москвы в Даурию [29, р. 13–32].

Подавляющее большинство исследований, затрагивающих «транспортную» проблематику, посвящено более позднему периоду и, прежде всего, строительству Транссибирской магистрали. Практически все западные исследователи (Д. Тредголд [15], С. Маркс [30], В. Моут [31], Х. Тапер [32], Б. Самнер [33], А. Геденштрем [34], Р. Норт [35] сходятся на признании огромного значения, которое имело строительство Транссиба для освоения Сибири в конце XIX – начале XX в.

В начале 1990-х гг. вышла в свет монография С. Маркса, посвященная строительству Транссиба и содержащая прямо противоположные суждения о роли и месте магистрали в истории региона. С. Маркс проанализировал проекты строительства Транссиба, предложенные министром путей сообщения К.Н. Посыетом в 1875 и 1884 гг., дал оценку дискуссиям, разгоравшимся в правительственных кругах по данному вопросу, и в итоге пришел к выводу, что различные слои и группы российской бюрократии не смогли объединиться для выработки решений по важнейшим экономическим вопросам. На одно только принятие официального решения о строительстве Транссиба ушло более 15 лет.

Особое внимание в монографии уделяется деятельности С.Ю. Витте, который сыграл ключевую

роль в организации строительства Транссиба, но опираясь при этом, по определению В.С. Лаврова, на «режим личной власти», возвышаясь и над правительством, и над обществом [30, р. 222]. В итоге С. Маркс дал преимущественно негативную оценку всему проекту Транссибирской магистрали, который, по его мнению, не оправдал себя ни экономически, ни стратегически.

В сущности, американский исследователь попытался опровергнуть распространенное в западной историографии представление об успешности российской «модернизации», которая лишь в малой степени отклонялась от общей траектории экономического развития европейских стран. Историк признавал, что главной движущей силой «модернизации», действительно, было правительство, но слабость российской экономики, по его мнению, как раз и заключалась в ее полной зависимости от самодержавного государства. При всей спорности отдельных положений работы американского историка (см., напр.: [36, 37]), необходимо поддержать его фактический призыв к более объективному и непредвзятому изучению хода и итогов социально-экономического развития Сибири в предреволюционный период.

В целом, несмотря на известную ограниченность круга источников, доступных для западных исследователей, им удалось найти собственные подходы к разработке проблем социально-экономического развития Сибири (в основу которых положены концепции «фронтира», «колонизации» и «модернизации»). Как представляется, в современных условиях перед западными сибиреведами стоит задача расширения источниковой базы и проблематики социально-экономических исследований, более основательного изучения достижений их российских коллег.

ЛИТЕРАТУРА

1. Klein Jos. Der Sibirische Pelzhandel und Seine Bedeutung für die Eroberung Sibiriens. Bonn, 1906.
2. Fisher R.H. The Russian Fur Trade, 1550–1700. University of California Publications in History. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1943. Vol. XXXI.
3. Яцунский В.К. Изучение истории в Калифорнийском университете в США // Вопросы истории. 1945. № 5–6.
4. Gibson J.R. Feeding the Russian Fur Trade: Provisionment of the Okhotsk Seaboard and the Kamchatka Peninsula, 1639–1856. Madison, Wisconsin, 1969.
5. Gibson J.R. Imperial Russia in Frontier America. The Changing Geography of Supply of Russian America, 1784–1867. N. Y., 1976.
6. Treadgold D. Russian Expansion in the Light of Turner's Study of American Frontier // Agricultural History. Vol. 26, № 4.
7. Black J.-L. Opening up Siberia: Russian «Window to the East» // Wood A. The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution. L., 1991.
8. Dmytryshyn B. Russian Expansion to the Pacific, 1580–1700: A Historiographical Review // Siberica. A Journal of the North Pacific Studies Center. Portland, 1990. Vol. 1, N 1.
9. Wood A. Introduction: the Role of Siberia in Russian History // The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution. L., 1991.
10. Baikalov A. The Conquest and Colonization of Siberia // The Slavonic and East European Review, 1932. Vol. 10, N 30.
11. Baikalov A. Siberia since 1894 // The Slavonic and East European Review, 1933. Vol. 11, N 32.
12. Manning C. The Siberian Fiasko. N. Y., 1952.
13. Lessner E. Cradle of Conquerors: Siberia. N. Y., 1955.
14. Lobanov-Rostovsky A. Russia and Asia. 2-nd ed. N. Y., 1951.
15. Treadgold D. The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1957.
16. Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.
17. Горюшкин Л.М., Сагайдачный А.Н. Современные англо-американские буржуазные историки о социально-экономическом развитии Сибири // Революция 1905–07 гг. на Урале и в Сибири. Тюмень, 1983.
18. Передерий С.В. К вопросу об освещении истории Сибири эпохи капитализма в современной англо-американской буржуазной историографии // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX в. Томск, 1980.
19. Conolly V. Beyond the Urals. L., 1967.
20. Dibb P. Siberia and the Pacific. A Study of Economic Development and Trade Prospects. N. Y.; L., 1972.
21. Armstrong T. Russian Settlement in the North. Cambridge, 1965.
22. Gibson J.R. The Significance of Siberia to Tsarist Russia // Canadian Slavonic Papers. 1972. Vol. 14, N 3.
23. Anderson B. Internal Migration during Modernization in the Late Nineteenth Century Russia. Princeton, 1980.
24. Channon J. Regional Variation in the Commune: The Case of Siberia // Land Commune and Peasant Community in Russia. Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society / ed. by R. Bartlett. Macmillan in association with the School of Slavonic and East European Studies, University of London, 1990.
25. Donnelly A. The Mobile Steppe Frontier. The Russian Conquest and Colonization of Bashkiria and Kazakhstan to 1850 // Russian Colonial Expansion to 1917 / ed. by M. Rywkin. L.; N. Y., 1988.
26. Becker S. Russia's Central Asian Empire, 1885–1917 // Russian Colonial Expansion to 1917 / ed. by M. Rywkin. L.; N. Y., 1988.
27. Marks S.G. Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East / ed. by S. Kotkin and S. Wolff. N. Y.; L., 1995.
28. Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. L.; N. Y., 2007.
29. Резун Д.Я. Колонизация Сибири и ее специфика // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. Общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3.
30. Marks S. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. N. Y., 1991.
31. Mote V. Siberia: Worlds Apart. Boulder, 1998.
32. Tupper H. To the Great Ocean. Boston, 1965.
33. Sumner B.H. Tsardom and Imperialism in the Far East and Middle East, 1880–1914. L., 1940.
34. Hedenstroem A. von. Geschichte Russlands von 1878 bis 1918. Stuttgart; Berlin, 1924.
35. North R. Transport in Western Siberia. Tsarist and Soviet Development. Vancouver, Canada: University of British Columbia Press and Centre for Transportation Studies, 1979.
36. Шашина Е.Б. Рецензия на кн.: Marks S. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. N. Y., 1991 // Отечественная история. 1993. № 4. С. 207–208.
37. Поткина И.В. Рецензия на кн.: Marks S. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. N. Y., 1991 // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 178–180.

Статья поступила
в редакцию 08.02.2013